

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.2.5](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.5)
EDN [NTIEVD](https://edn.nko.ru/NTIEVD)
УДК 316.323.6

В. В. Мухачёв¹

¹ ИСПИ ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

МЕЩАНЕ И МЕЩАНСТВО КАК СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА И ФЕНОМЕН БУРЖУАЗНОЙ КУЛЬТУРЫ: МАРКСИСТСКИЙ ПОДХОД

Аннотация. Статья посвящена месту и роли мещан и мещанства как *мелкобуржуазному* слою городских жителей, которые, занимаясь *ремесленно-торговой* деятельностью на «обочине» земледельческой экономики феодального общества, оказались *авангардом* буржуазии как таковой и пионерами капиталистического способа производства. История мещанства началась в IX–XI вв., когда в феодальной Европе возрождались античные и строились новые города, первые жители которых, в основном, были ремесленниками и торговцами, обеспечивавшими обмен продуктами труда между городом и деревней. С них началась история буржуазии, её развитие из мещан как мелких производителей, ведущих товарное производство, до использующих наёмный труд купечества, собственников мануфактур, заводов, фабрик и владельцев банков. Этот, напрямую связанный с материальным производством слой горожан, со временем породил особый социально-психологический тип личности, распространившийся впоследствии среди представителей разных слоёв и профессий городского населения нового и новейшего времени. Основой бытия мещан являются *товарное* производство и *торговля* как средство обмена между товаропроизводителями, которая играет в обществе противоречивую роль, поскольку её задачей является получение коммерческой *выгоды*, что открывает простор обману, мошенничеству и прочим нарушениям существующих в обществе норм морали и нравственности. Торговая сторона жизнедеятельности мещан формирует в них особый тип личности с соответствующей психологией и образом мыслей, который в последующем широко распространяется в обществе и усваивается представителями других слоёв и профессий городского населения.

Ключевые слова: мещанин, мещанство, мелкая буржуазия, капиталистический способ производства, торговля, мещанский тип личности

Для цитирования: Мухачёв В. В. Мещане и мещанство как социальная группа и феномен буржуазной культуры: марксистский подход // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 2. С. 62–74. DOI [10.19181/nko.2025.31.2.5](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.5). EDN [NTIEVD](https://edn.nko.ru/NTIEVD).

История не делает ничего, она «не обладает никаким необъятным богатством», она «не сражается ни в каких битвах»! Не «история», а именно человек, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Святое семейство (1844)

Введение. «Мир стал как никогда хрупким. Мир буквально повис на ниточке. Мещанская цивилизация подвела человечество к краю пропасти, за которой гибель в результате всеобщей войны стала реальнее любой фантазии “помешанного из XXI века”. Голод, болезни, нехватка ресурсов, разгул насилия, растления и саморазрушения ...массовая гибель в итоге — это тоже вид войны человечества против самого себя.

Идеал, движущая сила, «клеточка» этой умирающей цивилизации — это мещанин, эгоист, буржуа. Имён у него много, суть одна, человек, замкнутый на себя, полагающий окружающий мир своей собственностью, или местом реализации любых своих эгоистичных желаний.

Мещанский способ производства поглотил все и вся. Он многолик, но все так же убог по своей сути, как и тысячи лет назад. Откуда он появился? И куда он идёт? Этот мир, основанный на таком прочном фундаменте, состоящем из убийственной «клеточки» — мещан?». С этих слов начинается книга В. М. Чернышева «Мещанский способ производства: мещане» [1, с. 3].

В повседневной жизни о *мещанах* и *мещанстве* ввиду их безмерной заботы о личном благосостоянии и быте при явном безразличии к *первоочередным* нуждам, интересам и возможностям общества почти всегда говорят осуждающе. Но говорят, как правило, между собой, *приватно*, а не *публично*. Тема мещан как отдельного социального слоя и мещанского социально-психологического типа личности, пренебрегающего общепринятыми нормами морали, редко становится предметом открытого честного разговора писателя или учёного с читателем, политика с обществом. Причина тому лежит на поверхности — говорить на эту тему для многих означает говорить и *о себе самом*.

В обществе, где господствуют частная собственность и частные интересы, где обмен продуктами труда между людьми предполагает получение *личной выгоды* и осуществляется посредством *торговли*, торгова между покупателем и продавцом, там господствуют *свои* мораль, нравы и правила приличия. Здесь у многочисленной части населения, не владеющей значительным капиталом и вынужденной, выживая или пробиваясь «наверх», полагаться, прежде всего, на свою способность к труду, *чрезмерно* развивается чувство эгоизма, которое, выходя за пределы разумного, становится определяющей чертой характера человека. В *таком* обществе трудно не быть мещанином. И потому прав автор книги «Обыкновенное мещанство» Ю. Белов, когда пишет, что «мещанство всеядно, от него никто не застрахован» [2, с. 7].

Человеку в *таком* обществе, чтобы не стать мещанином, нужно уметь бороться с собственным *эгоцентризмом*, быть способным во имя общих нужд и интересов общества, коллектива, бороться с мещанским желанием иметь *всё* сразу, здесь и сейчас, и стремлением к уровню жизни, который явно *превышает* среднюю норму потребления продуктов общественного производства, достигнутую в той или иной стране к определённом периоду её исторического развития.

Полной противоположностью мещанина как полного, законченного индивидуалиста и *эгоиста* в истории человечества был и остаётся индивид-*альтруист*, который убеждён в необходимости приоритета общего перед частным, личным, и во имя социальной справедливости способен жертвовать своим «Я». Как благосостоянием, так и жизнью. История знает и таких людей. В сравнении с огромной армией мещан их не так много, но именно они спасают увязшие в социально-экономическом неравенстве общества от полного и окончательного погружения в пучину мещанства, а некоторые из них навсегда сохраняются в памяти людей и становятся прообразами литературных героев — античного Прометея или горьковского Данко. К ним, в первую очередь, относятся тысячи и тысячи революционеров прошлого и настоящего, от Спартака до Че Гевары. И человечеству есть чем здесь гордиться, но у него есть и то, чего ему следует стыдиться и с чем должно бороться.

Мещане и мещанство за фасадом языка. Их мелкобуржуазная сущность.

Познание человеком окружающего его мира движется от явления к его содержанию и сущности: сначала от внешних форм проявления сущности первого порядка, затем к сущности второго, третьего порядка и т.д. При этом, случается так, что, когда сущность явления мыслью исчерпана, кто-то возвращается к одной из *внешних* форм существования этого явления и посредством её вновь начинает рассматривать, описывать и анализировать уже познанное. Зачастую такой отправной точкой «познания познанного» становится *язык* людей, представляющий собой *знаковую* (материальную) форму *идеального* содержания сознания. «На “духе”, — писали Маркс и Энгельс, излагая в первой главе «Немецкой идеологии» открытое ими материалистическое понимание истории, — с самого начала лежит проклятие — быть “отягощенным” материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоёв воздуха, звуков, словом — в виде языка» [3, с. 39].

Книга В. Чернышева «Мещанский способ производства: мещане» — пример подобного анализа. Для её автора слова «мещанин» и «мещанский» указывают «на содержание современного способа производства и обмена в большинстве стран мира, а также на основных “носителей” идеологии и повседневной жизни этого экономического строя» [1, с. 6]. Более того, он считает, что название «современного способа производства и обмена», который «принято уже два столетия называть буржуазным», *не подходит* «для ясного понимания процесса его возникновения, развития и отмирания» и что «гораздо точнее и понятнее для русского слуха и сознания слово “мещанский”», которое *для него* «собственно и определяет однозначно и прочно жизнь и судьбу данного способа производства» [1, с. 4].

С тем, что для *русского* слуха и сознания слово «мещанский» привычнее и понятнее, чем лексема «буржуазный», пожалуй, можно согласиться. Но то, что это слово «гораздо точнее» определяет *капиталистический* способ производства, принять нельзя. Здесь приходится вспомнить, что буржуазией является определённый класс людей, которые, обладая капиталами и используя свободный от *внеэкономического* принуждения труд, организуют уже *внутри* феодального общества *капиталистический* способ производства, а затем, одержав политическую победу над феодальной аристократией, создают на нём как экономическом *базисе* собственное (буржуазное!) общество с *соответствующей* ему идеологической *надстройкой* — государством, политикой, правом и культурой, от воспитания и образования до науки, литературы, искусства.

Что же такого волшебного для теории познания нашёл Чернышев в словах «мещанин» и «мещанский»? С точки зрения языкознания существительные «мещанин», «мещане», «мещанство» и прилагательное «мещанский» являются *однокорневыми*, родственными, словами, где «мещанин» является *производящим*, а остальные — *производными* от него. В морфологическом отношении слова «мещанин» и «мещанство» — существительные единственного числа, но первое — одушевлённое и мужского рода, а второе — неодушевлённое и среднего рода. Обозначая слой людей, относящийся к буржуазии и капиталистическому способу производства, они, отнюдь, не подменяют собой теоретически более точные, экономической наукой найденные, названия того и другого.

На наш взгляд, В. Чернышев придаёт понравившимся ему словам неоправданно широкое значение, не считаясь с тем, что они родом из языка *повседневной* жизни и относятся к *обыденному* сознанию. Именно оттуда они пришли в литературу, публицистику и *либеральную* политэкономия, которая, писал

Энгельс, «обычно брала термины коммерческой и промышленной жизни в том виде, как их находила, и оперировала ими, совсем не замечая, что тем самым она ограничивает себя узким кругом понятий, выражаемых этими терминами» [4, с. 32]. Не случайно, другой выдающийся марксист предупреждал многочисленных «искателей истины», что «с обывательскими понятиями нельзя братья за теоретические вопросы» [5, с. 94].

Поэтому, прежде чем описывать, характеризовать и, тем более, *определять* капиталистический способ производства посредством лексем «мещанский», «мещане» или «мещанство», следует за фасадом языка увидеть и понять сущность мещанства как социального явления, которое, отражаясь в сознании, обозначается в языке и получает в нем своё имя.

История мещан (и мещанства) началась в IX–XI вв., когда в *феодальной* Европе принялись возрождать античные и строить новые города, жители которых уже не были связаны с земледельческим трудом крестьянства, а занимались *ремеслом* и *торговлей*, деятельностью, которая, писал Маркс, *старше* капиталистического способа производства, т.к. используемый в ней *торговый* капитал «представляет собой исторически древнейшую свободную форму существования капитала» [6, с. 357], обеспечивающую обмен продуктами крестьянского и ремесленного труда между городом и деревней. Причём, аналогичные процессы в IX–XIII вв. происходили в Киевской Руси, где ко времени нашествия Батыя в 1237 г. уже насчитывалось около 300 городов [7].

Этот всемирно-исторический факт разделения общественного труда, когда ремесло (промышленность) отделилось от земледелия, отразился в головах европейцев и получил своё лексическое выражение в языке. Именно тогда для обозначения жителей средневековых городов Европы, ранее феодальному обществу неизвестного слоя людей, появились новые слова, которые затем уже как иностранные могли *мигрировать*, использоваться разными народами и получать прописку в других языках. В частности, такое случилось с русскими словами «мещанин» и «мещанство».

У русской лексемы «мещанин» *польские* корни. Она представляет собой кальку со слова “mieszkaniec”, которым в средние века обозначали *жителей* польских “miasto” («место», «город»), где *обитали* эти люди, занимаясь ремёслами и торговлей. Такие ремесленники и торговцы населяли города многих стран и государств средневековой Европы, где их также определяли, прежде всего, по месту жительства и называли «горожанами» («обитателями»). И “burger” в Германии, и “bourgeois” во Франции произошли от слова “burg” (город). В Англии людей, которых в Польше называли “mieszkaniec”, обозначали разными словами, от унаследованного после римлян из латыни архаического “inhabitant”, означавшее «живое существо (a person or animal), обитающее в *определённом* месте», до более поздних “townsfolk” или “townspeople”.

В дальнейшем развитие представлений и понятий европейцев о жителях городов шло от *общего* для них определения по месту жительства к *особенностям* профессиональной деятельности ремесленников и торговцев, их *специализации* в процессе разделения труда и связанным с этим социально-экономическим различиям. Соответственно меняющейся реальности происходили изменения в лексике европейцев, где слова, используемые для обозначения мещан, уточнялись и дополнялись новыми значениями. В конце концов, в Германии мещан стали называть “Kleinburger” (мелкий буржуа), во Франции — “bourgeois”, а в Англии — “merchant” (торговец), “shopkeeper” (лавочник) или “tradesman”.

Последнее в переводе на русский означало «лицо, которое занимается торговлей или ремеслом в сравнительно небольших масштабах». При этом, лексема “tradesman” одновременно относилась к профессиям *торговца, купца, лавочника и ремесленника*. Все они, немецкие “Kleinburger”, французские “bourgeois” и английские “tradesmans” были в своих странах теми, кого в русском языке до реформ Петра I и Екатерины II называли «посадскими», и только в западных, пограничных с Польшей и Литвой, областях России с конца XVI в. именовали по-польски «мещанами».

В традиционной для феодального общества социальной структуре, где *дворянство* и *духовенство* пользовались привилегиями, горожане-мещане для представителей высших сословий были людьми низкого происхождения, простолудинами. На социальной лестнице того общества они стояли выше *крепостных* крестьян, но ниже сословий дворянства и духовенства. Поэтому с самого начала слова «мещанин», «мещане» и «мещанство» имели *два* значения, или *двойной* смысл. Прежде всего, эти слова отличали мещан-*горожан* от крестьян и дворян *географически* — по *месту* их жительства, проживания на территории того или иного государства. В другом, переносном, смысле эти слова определяли тех же людей, говоря современным языком, *социологически*, указывая на *низкое* положение «бюргеров» в *социальной структуре* феодального общества. Здесь синонимом мещанина выступала, имеющая оттенок презрительности и пренебрежительности уничижительная лексема «обыватель» (“obywatel” по-польски, philister по-немецки, philistine по-английски). Соответственно, антонимами этих слов в средние века выступали обозначавшие *привилегированное* сословие лексемы «дворянин», «рыцарь», «джентльмен», «барин».

Возникнув при феодализме, мещане *объективно*, не зная того, стали *мелкой* городской буржуазией, предвестниками нового в истории человечества *капиталистического* периода развития. С этим и связана *социально-экономическая* сущность мещан. Употребив в работе против П. Струве, буржуазного экономиста и по совместительству «легального марксиста», слово «мещанский», Ленин пояснил: «Выражение “мещанский” употребляю я не в обыденном, а в политико-экономическом значении слова. Мелкий производитель, хозяйничающий при системе товарного хозяйства, — вот два признака, составляющие понятие “мелкого буржуа”, Kleinburger’a или, что то же, мещанина» [8, с. 413]. Говорить о мещанах или мещанстве означает всегда говорить о мелкой, в городах живущей, буржуазии в виде «мелких производителей, хозяйничающих при системе товарного производства». Политико-экономический подход в понимании мещанина и мещанства выходит *за пределы* лексики, языка; он связывает этих людей с социально-экономической действительностью, с производственными отношениями, способом производства и потому противостоит позиции В. Чернышева, для которого «сущность и судьба» мещанина заключена в его «наименовании» [1, с. 71].

Если забывать о *политико-экономическом* значении слов «мещанин» и «мещанство», что свойственно идеологам буржуазии, то легко забыть о социально-экономических различиях между *разными* классами людей и *первопричине* этих различий — частной собственности на средства производства. Тогда легко подменить научный, требующий материалистической точности, анализ *идеологией*, той, по определению Маркса и Энгельса, разновидностью сознания, где господствует «чистая», лишённая экономической эмпирии, теория, которая, писали они, не знает действительности или *превратно* и *ложно* отражает её, оказываясь «литературой о литературе», «фразами о фразах».

Место и роль торговли в истории мещанства, буржуазии и капитализма. Осуществляя материальную связь между городом и деревней, развивая *национальные* рынки, мещане как *мелкие* производители, хозяйствующие при системе товарного хозяйства, сыграли важную роль в истории капитализма, в развитии буржуазии как *нового*, идущего на смену феодальной аристократии, класса частных собственников, олицетворяющих собой капиталистический способ производства. Они — «первичная буржуазия». Выступив в качестве *зародыша* буржуазии и первопроходца капиталистического способа производства, мещане по мере развития капитализма, как и во времена феодализма, были и остаются *низшим* слоем по отношению к вырастающей из него *крупной* промышленной, торговой и финансовой буржуазии. Пользуясь удачным выражением В. Чернышева, мещане — это «планктон», «питательный бульон», в котором развивается капиталистический способ производства и произрастает средняя и крупная буржуазия — купечество разных гильдий, капиталисты-промышленники и банкиры-ростовщики [1, с. 19, 22].

Основой образа жизни и психологии мещан является обусловленная существованием частной собственности *торговая* деятельность человека, которая в истории общества играет *противоречивую* роль. С одной стороны, как форма обмена продуктами труда торговля служит удовлетворению самых разнообразных, от насущных до эксклюзивных, потребностей людей, экономически связывает город с деревней, страну со страной и способствует превращению истории отдельных этносов, народов и наций во *всеобщую* историю человечества. Но, с другой стороны, в нравственном отношении торговля как вид деятельности, целью которой является получение коммерческой *выгоды*, безнравственна, порочна и аморальна. «Дёшево купить, чтобы дорого продать, — вот закон торговли», — писал автор «Капитала» [6, с. 362]. В основе мещанства как особого типа личности лежит *гипертрофированный* эгоизм мелкого буржуа, ставящего собственное благополучие и *личное потребление* продуктов общественного труда *выше* интересов коллектива, общества, человечества. Следствиями такого непомерно развитого эго становятся, с одной стороны, алчность, корысть, цинизм, а с другой — приземлённость сознания, навязчивая забота о постоянном росте личного потребления, отсутствие интереса к общественной жизни, духовная скудость внутреннего мира человека.

На заре буржуазной политэкономии существовало иллюзорное представление, будто торговля представляет собой «обмен эквивалентов». Но такое, где «сделка, в которой выигрывают обе стороны», возможна, согласно автору «Капитала», лишь в отношении обмена *потребительными* стоимостями, происходящего по формуле $T - D - T$ и то *при условии*, что процесс обращения товаров происходит в «чистой форме», которая в действительности *не существует* [9, с. 168, 171]. В действительности при капитализме преобладает капиталистическая торговля *меновыми* стоимостями по формуле $D - T - D$ и потому, если «в отношении потребительной стоимости оба контрагента могут выиграть, то на *менной* стоимости они не могут оба выиграть. Здесь господствует скорее правило: «Где равенство, там нет выгоды» [9, с. 169].

Вопреки всей практике капиталистической торговли и потому лицемеря, либеральные политики и теоретики любят фантазировать на тему «*справедливых*» экономических отношений и «*взаимовыгодного*» сотрудничества. На самом деле, капиталистическая торговля не является «обменом эквивалентов» и *каждый раз* предоставляет одной из сторон торговой сделки — покупателю, или

продавцу — возможность разбогатеть и нарастить свой капитал посредством обмана, надувательства, мошенничества и даже насилия. В древности, когда обмен продуктами труда перерос *первобытный* бартер и у людей в виде средства обмена появились *деньги*, любители пожить за чужой счёт начали торговать деньгами — давать их «в рост». И тогда возникло *ростовщичество*, которое несло разорение и банкротство заёмщикам. В последующем в руках буржуазии оно превратилось уже в банковский кредит, в финансовую зависимость от которого с тех пор попадают физические и юридические лица, промышленные и сельскохозяйственные предприятия, целые отрасли и даже экономика отдельных государств в целом. В мире капитализма современное ростовщичество в виде банковского кредита — это целенаправленная экономическая политика финансовых воротил, олигархов и *их* правительств, о чем подробно повествует Дж. Перкинс, автор книги «Исповедь экономического убийцы» [10].

Анализ истории торговой деятельности привёл Маркса к следующему выводу: «Итак, повсюду, где торговый капитал имеет преобладающее господство, он представляет систему грабежа и недаром его развитие у торговых народов как древнего, так и нового времени непосредственно связано с насильственным грабежом, морским разбоем, хищением рабов, порабощением колоний; так было в Карфагене, в Риме, позднее у венецианцев, португальцев, голландцев и т.д.» [6, с. 364]. Связанные с великими географическими открытиями большие преобразования в торговле XVI–XVII вв. привели к буму *купеческого капитала* и составили, по словам Маркса, «один из главных моментов, содействовавших переходу феодального способа производства в капиталистический» [6, с. 365]. Именно тогда, в период первоначального накопления капитала по мере его расширения от бытовой торговли, базара, городского и национального рынка до мирового рынка из городской мелкой буржуазии, или мещан (ремесленников, мелких торговцев, лавочников и ростовщиков) выросли ремесленные *мастера*, *начальники цехов*, *мануфактуристки*, *купцы* и *банкиры*, чья торговля носила капиталистический характер и осуществлялась по формуле $D - T - D'$.

Отличие от своих ранних работ, где Маркс не сдерживает эмоций и его язык полон ярких образов, иронии и сарказма в отношении современных ему буржуазных демократов вроде А. Руге или мелкобуржуазных социалистов подобных Прудону, автор «Капитала», анализируя торговлю как разновидность естественно-исторической деятельности людей, говорит о ней, в основном, сухим, свойственным *естествознанию* и *математике*, языком. И совсем иначе, не менее точно, но эмоционально и образно, пишет о торговле молодой Энгельс в статье «Наброски к критике политической экономии» (1844), которые Маркс считал «гениальными» [11, с. 8], и которые стали в истории марксизма заметным шагом в сторону материалистического понимания истории.

По Энгельсу, политическая экономия буржуазии «возникла как естественное следствие распространения торговли, и с ней на место простого ненаучного торгашества выступила развитая система дозволенного обмана, целая наука обогащения», которая возникла «из взаимной зависти и алчности купцов» [12, с. 544]. В меркантилистской системе, которая пришла на смену «ненаучному торгашеству», пишет Энгельс, «алчный характер торговли был уже несколько замаскирован; нации начали понемногу сближаться, заключать торговые договоры и договоры о дружбе», но «по существу это были всё те же старая жадность к деньгам и корыстолюбие, и время от времени они проявлялись в вой-

нах, которые в тот период всегда вызывались торговым соперничеством. Войны эти показали также, что торговля, подобно грабежу, покоится на кулачном праве; без всякого зазрения совести старались хитростью или насилем добиться таких договоров, которые считались наиболее выгодными... У торговли тоже были свои крестовые походы и своя инквизиция» [12, с. 545].

Вскрывая связь буржуазной политэкономии с *практикой* капиталистической торговли купцов, мещан в том числе, Энгельс оставил ряд глубоких, материалистической диалектикой пропитанных и *нашему времени созвучных*, замечаний.

В частности, по поводу противоречия между идеей либеральных экономистов о «национальном богатстве» и теорией «свободы торговли» при господстве частной собственности он писал: «Выражение “национальное богатство” появилось впервые благодаря стремлению либеральных экономистов к обобщениям. Пока существует частная собственность, выражение это не имеет смысла. “Национальное богатство” англичан очень велико, и всё же они — самый бедный народ в мире. Надо или вовсе отбросить это выражение или принять такие предпосылки, при которых оно получило бы смысл. То же относится к выражениям: национальная экономия, политическая, общественная экономия. При нынешнем положении вещей эту науку следовало бы называть *частнохозяйственной* экономией, ибо для неё общественные отношения существуют лишь ради частной собственности.

Ближайшим следствием частной собственности является *торговля*, взаимный обмен предметами необходимости, купля и продажа. При господстве частной собственности эта торговля, как и всякая другая деятельность, должна стать непосредственным источником дохода для торговца; это значит, каждый должен стараться как можно дороже продать и как можно дешевле купить... Словом, торговля есть узаконенный обман. Что практика соответствует этой теории, сможет подтвердить всякий купец, если он захочет воздать должное правде» [12, с. 547–549].

Соотнося лозунг «свободы торговли» с проблемой гуманизма, поставленной перед человечеством ещё в эпоху Возрождения, Энгельс говорил: «Смит был прав, когда он объявлял торговлю гуманной. Абсолютно безнравственного нет ничего на свете; и в торговле есть такая сторона, в которой воздаётся должное нравственности и человечности. Но как воздаётся! Кулачное право средневековья, открытый грабёж на большой дороге стал несколько гуманнее, когда он превратился в торговлю, а торговля стала несколько гуманнее, когда первая её ступень, характеризующаяся запрещением вывоза денег, превратилась в меркантилистскую систему. Теперь и сама эта система стала несколько гуманнее. Разумеется, в интересах торговца поддерживать хорошие отношения как с тем, у кого он дешево покупает, так и с тем, кому он дорого продаёт... Вот в чём заключается гуманность торговли, и этот *лицемерный способ злоупотребления нравственностью для безнравственных целей* является гордостью системы свободы торговли (курсив мой — В. М.)» [12, с. 549–551].

Мещанство — образ жизни и тип личности городской мелкой буржуазии.

Мещанство — это не только N-е количество мещан-индивидов, или их слой, словесное, но также особый, мещанами созданный, *социально-психологический* тип личности, в характере которого отразились образ жизни и примитивная система ценностей мелкого буржуа-горожанина, вся жизнь которого *подчинена* постоянной заботе получения коммерческой *выгоды*.

Мещанский тип личности сформировался в определённой, связанной с *материальным* производством, *торгово-промышленной* социальной среде, однако позднее, по мере роста населения городов и появления в них *иных*, занятых в сфере *духовного* производства, *мелкобуржуазных* слоёв буржуазного общества, *этот* тип личности наложил свой отпечаток на многих представителей и *других* профессий, связанных с образованием, медициной, юриспруденцией, наукой, литературой, искусством и пр. При капиталистически организованной системе общественного труда иначе и быть не может: «Буржуазия, — отмечали авторы «Манифеста Коммунистической партии», — лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почётными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наёмных работников» [13, с. 427]. Со временем, когда мещанство, мещанская мораль, проникли во все поры буржуазного общества, мещанский тип личности стал предметом острой социальной критики, а сами мещане постоянно оказывались героями сатирических литературных произведений («Корабль дураков» С. Бранта, «Мещанин во дворянстве» Люлли и Мольера, «Ярмарка тщеславия» У. Теккерея, «Гобсек» Бальзака, «Мёртвые души» Гоголя, «Милый друг» Мопассана и др.). Людям, живущим в эпоху глобального капитализма и с утра до вечера видящим и слышащим слово «выгода», не следует забывать, что до капитализма такого не было, поскольку торговля была предметом морального осуждения со стороны большей части общества, а ростовщичество вообще считалось одной из позорнейших профессий и в мировых религиях (христианстве, исламе и иудаизме) признавалось большим грехом. До завершения перехода от феодального способа производства к капиталистическому торговля представителями дворянской культуры рассматривалась как не богоугодное дело и библейский сюжет о том, как Иисус изгнал из своего храма торговцев, неоднократно становился предметом изображения в картинах известных художников эпохи Возрождения (Л. Кранах Старший, Тициан, Эль Греко, И. Босх, Рембрандт и др.).

Русский революционер, глубокий мыслитель и блистательный писатель, в совершенстве владевший безукоризненной стилистикой письма, А. И. Герцен (1812–1870) после двух ссылок за участие в революционной деятельности в 1847 г. эмигрировал из *николаевской* России в Западную Европу. Наблюдая воочию там торжество буржуазии над побеждённой ею феодальной аристократией, создатель звонившего из Лондона на всю Европу «Колокола» изложил свои впечатления о жизни европейцев на страницах автобиографических очерков, которые составили книгу «Былое и думы». С его слов, эта книга стала отражением «истории в человеке, *случайно* попавшемся на её дороге». В ней Герцен оставил потомкам много точных зарисовок к социальному портрету *европейского* мещанства, чей «тип личности» к тому времени уже распространился на самые разные слои населения. Описывая последствия революции 1848 г. во Франции, Герцен не случайно обнаружил, что кругом «мещане-генералы, мещане-министры, мещане-банкиры кутят, наживают миллионы, теряют миллионы...» и что всем им нужно «бесцветное богатство, в котором золото, как в Первой империи, вытесняет искусство, лоретка — даму, биржевой игрок — литератора» [14, с. 155].

Рассматривая европейское мещанство конкретно-исторически и замечая его особенности в разных странах, Герцен писал: ««Нравы в Италии не изменились новомещанским направлением до такой степени, как во Франции и Англии.

История итальянского мещанства совсем не похожа на развитие буржуазии во Франции и Англии... Мещанство в французском смысле, собственно, представляется в Италии особой средой, образовавшейся со времени первой революции и которую можно назвать, как это делается в геологии, *пизмонтским* слоем. Он отличается в Италии, так же, как во всей материке Европы, тем, что во *многих* вопросах постоянно либерален и *во всех* — боится народа и слишком нескромных толков о труде и зарплате, да ещё тем, что он всегда уступает врагам сверху, не уступая никогда *своим* снизу» [14, с. 325–326].

Продолжая делиться своими впечатлениями от общения с мещанской Европой, Герцен говорил: «Поживши год, другой в Европе, мы с удивлением видим, что вообще западные люди не соответствуют нашему понятию о них, что они *гораздо ниже* его.

В идеал, составленный нами, входят элементы верные, но не существующие более, или совершенно изменившиеся. Рыцарская доблесть, изящество аристократических нравов, строгая чинность протестантов, гордая независимость англичан, роскошная жизнь итальянских художников, искрящийся ум энциклопедистов и мрачная энергия террористов — все это переплавилось и переродилось в целую совокупность других господствующих нравов, *мещанских*. Они составляют целое, т.е. замкнутое, оконченное в себе, воззрение на жизнь, с своими преданиями и правилами, с своим добром и злом, с своими приёмами и с своей нравственностью *низшего порядка*.

Как рыцарь был первообраз мира феодального, так купец стал первообразом нового мира: господа заменились *хозяевами*. Купец сам по себе — лицо стёртое, промежуточное; посредник между одним, который производит, и другим, который потребляет, он представляет нечто вроде дороги, повозки, средства.

Рыцарь был больше *он сам*, больше лицо и берег, как понимал, своё достоинство, оттого-то он, в сущности, и не зависел ни от богатства, ни от места; его личность была главное; в мещанине личность прячется или не выступает, потому что не она главное: главное — товар, дело, вещь, главное — *собственность*.

Рыцарь был страшная невежда, драчун, бретёр, разбойник и монах, пьяница и пиетист, но он был во всем открыт и откровенен; к тому же он всегда готов был лечь костями за то, что считал правым; у него было своё нравственное уложение, свой кодекс чести, очень произвольный, но от которого он не отступал без утраты собственного уважения или уважения равных.

Купец — человек мира, а не войны, упорно и настойчиво отстаивающий свои права, но слабый в нападении; расчётливый, скупой, он во всем видит торг и, как рыцарь, вступает с каждым встречным в поединок, только мерится с ним — *хитростью*. Его предки, средневековые горожане, спасаясь от насилий и грабежа, принуждены были лукавить: они покупали покой и достояние уклончивостью, скрытностью, сжимаясь, притворяясь, обуздывая себя. Его предки, держа шляпу и кланяясь в пояс, обсчитывали рыцаря; качая головой и вздыхая, говорили они соседям о своей бедности, а между тем потихоньку зарывали деньги в землю. Всё это естественно перешло в кровь и мозг потомства и сделалось физиологическим признаком особого вида людского, называемого *средним состоянием*» [14, с. 381–382].

После Герцена к описанию мещанства и сопоставлению мещанской морали с нравами и представлениями дворянского сословия о добре и зле обращались разные писатели, включая социологов недавнего времени [15]. Но у немногих из них была подобная *герценовской* эстетика языка и глубина мысли.

Принадлежность к мещанскому сословию, как правило, передавалась по наследству, однако, происхождение «из мещан» не обрекало людей на образ жизни и торгашескую психологию мещанства. Критикуя мелкобуржуазную демократию, Маркс вместе с тем говорил: «...не следует думать, что все представители демократии — лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию или индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли» [16, с. 148]. Эти слова в полной мере относятся и к мещанам. Некоторые из «мещан по происхождению» строили свою жизнь в стороне от мещанской среды и даже в противоположность ей. Так, сравнивая якобинца М. Робеспьера, «великого мещанина с улицы Сент-Оноре», с представителем немецкой классической философии И. Кантом, Г. Гейне писал, что «тип мещанина в высшей степени выражен в обоих: природа предназначила их к обвешиванию кофе и сахара, но судьба захотела, чтобы они взвешивали другие вещи, и одному бросила на весы короля, другому — Бога...» [17, с. 137].

Всеобъемлющую и материалистически точную оценку *моральных издержек* человечества при господстве частной собственности и товарно-денежных отношений дал Маркс в «Нищете философии» (1847). Там он писал: «Наконец, пришло время, когда всё, на что люди привыкли смотреть как на неотчуждаемое, сделалось предметом обмена и торговли и стало отчуждаемым. Это — время, когда даже то, что дотоле передавалось, но никогда не обменивалось, дарилось, но никогда не продавалось, приобреталось, но никогда не покупалось, — добродетель, любовь, убеждение, знание, совесть и т.д., — когда всё, наконец, стало предметом торговли. Это — время всеобщей коррупции, всеобщей продажности, или, выражаясь терминами политической экономии, время, когда всякая вещь, духовная или физическая, сделавшись меновой стоимостью, выносятся на рынок, чтобы найти оценку, наиболее соответствующую её истинной стоимости» [18, с. 73–74].

Эта сущностная характеристика Марксом буржуазного общества является *всеобщей*, она относится не только к Франции середины XIX в., но в целом ко всем капиталистическим странам, где в последние 200 лет буржуазия установила своё экономическое и политическое господство, дав полный простор капиталистическому способу производства. В ней россияне сегодня без труда распознают *постсоветскую*, буржуазно-капиталистическую, Россию.

(Продолжение статьи, раскрывающее тему мещанства в контексте истории и судьбы России, будет опубликовано в одном из следующих выпусков журнала).

Библиографический список

1. Чернышев В. М. Мещанский способ производства: мещане. Издательская группа «Утопия», 2014. 74 с.
2. Белов Ю. Обыкновенное мещанство. Статьи и очерки. М. : Изд-во ИТРК, 2019. 368 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений : (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М. : Политиздат, 1966. 152 с.
4. Энгельс Ф. Предисловие к английскому изданию // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23: Капитал. Критика политической экономии. М. : Политиздат, 1960. 907 с.
5. Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 30: Июль 1916 — февраль 1917. М. : Политиздат, 1962. 561 с.
6. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3, ч. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25, ч. 1. М. : Политиздат, 1961. 554 с.
7. Куза А. В. Малые города Древней Руси. М. : Наука, 1989. 168 с. EDN [WFZSZT](#).

8. Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и его критика в книге г. Струве : (Отражение марксизма в буржуазной литературе) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 1: 1893 – 1894. М. : Политиздат, 1967. 663 с.
9. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23: Капитал. Критика политической экономии. М. : Политиздат, 1960. 907 с.
10. Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы : пер. с англ. М. : Претекст, 2010. 350 с. EDN QTMSJF.
11. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13: январь 1859 – февраль 1860. М. : Политиздат, 1959. 771 с.
12. Энгельс Ф. наброски к критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1: 1842–1844. М. : Политиздат, 1955. 699 с.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4: май 1846 – март 1848. М. : Политиздат, 1955. 616 с.
14. Герцен А. И. Сочинения в 9 т. Т. 5: Былое и думы. Ч. 4-5. М. : Гослитиздат, 1956. 770 с.
15. Оссовская М. Рыцарь и буржуа : Исследования по истории морали : пер. с польского. М. : Прогресс, 1987. 528 с.
16. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 8: август 1851 – март 1853. М. : Политиздат, 1957. 705 с.
17. Гейне Г. К истории религии и философии в Германии : пер. с нем. М. : Прогресс, 1994. 226 с.
18. Маркс К. Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4: май 1846 – март 1848. М. : Политиздат, 1955. 616 с.

Поступила: 18.04.2025. Принята: 23.05.2025.

Сведения об авторе:

Мухачёв Вадим Владимирович, доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований
ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

vadism@rambler.ru

Author ID РИНЦ: 809770

V. V. Mukhachev¹

¹ ISPR FCTAS RAS. Moscow, Russia

TRADESMEN AND PHILISTINISM AS A SOCIAL GROUP AND A PHENOMENON OF BOURGEOIS CULTURE: A MARXIST APPROACH

Abstract. The article is devoted to the place and role of the tradesman and the philistinism as a petty bourgeois stratum of urban residents who, engaged in handicraft and trade activities on the “sidelines” of the agricultural economy of feudal society, turned out to be the vanguard of the bourgeoisie as such and the pioneers of the capitalist mode of production. The history of the philistinism began in the IX-XI centuries, when ancient cities were revived and new ones were built in feudal Europe, the first inhabitants of which were mainly artisans and traders who ensured the exchange of products of labor between the city and the village. With them began the history of the bourgeoisie, its development from the petty bourgeoisie as small producers, conducting commodity production, to the merchants, owners of manufactories, factories, plants and bank owners, using hired labor. This layer of townspeople, directly connected with material production, eventually gave rise to a special socio-psychological personality type, which subsequently spread among representatives of different layers and professions of the urban population of modern and contemporary times. The basis of the existence of the philistinism is commodity production and trade as a means of exchange between commodity producers, which plays a contradictory role in society, since its task is to obtain commercial benefits which opens up space for deception, fraud and other violations of

the existing norms of morality and ethics in society. The trading side of the life of the tradesman forms in them a special type of personality with a corresponding psychology and way of thinking, which subsequently spreads widely in society and is adopted by representatives of other layers and professions of the urban population.

Keywords: tradesman, philistinism, petty bourgeoisie, capitalist mode of production, trade, philistine personality type

For citation: Mukhachev V. V. Tradesmen and philistinism as a social group and a phenomenon of bourgeois culture: a Marxist approach. *Science. Culture. Society*. 2025;31(2):62–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.2.5>

References

1. Chernyshev V. M. The petty-bourgeois mode of production: The bourgeoisie. Utopia Publ. Group; 2014. (In Russ.).
2. Belov Yu. Ordinary Petty-Bourgeoisie. Articles and essays. Moscow: ITRK Publ. House; 2019. (In Russ.).
3. Marx K., Engels F. Feuerbach. The Opposition of the Materialist and Idealist Outlooks: (A new publication of the first chapter of The German Ideology). Moscow: Politizdat; 1966. (In Russ.).
4. Engels F. Preface to the English Edition. In: Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 23: Capital. A Critique of Political Economy. Moscow: Politizdat; 1960. (In Russ.).
5. Lenin V. I. On the Caricature of Marxism and on “Imperialist Economism”. In: Lenin V. I. Complete Collected Works. Vol. 30: July 1916 – February 1917. Moscow: Politizdat; 1962. (In Russ.).
6. Marx K. Capital. Critique of Political Economy. Vol. 3, Part 1. In: Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 25, Part 1. Moscow: Politizdat; 1961. (In Russ.).
7. Kuza A. V. Small Towns of Ancient Rus. Moscow: Nauka; 1989. (In Russ.).
8. Lenin V. I. The Economic Content of Narodnichestvo and Its Critique in Struve’s Book: (A Reflection of Marxism in Bourgeois Literature). In: Lenin V. I. Complete Collected Works. Vol. 1: 1893 – 1894. Moscow: Politizdat; 1967. (In Russ.).
9. Marx K. Critique of Political Economy. Vol. 1. In: Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 23: Capital. A Critique of Political Economy. Moscow: Politizdat; 1960. (In Russ.).
10. Perkins J. Confessions of an Economic Hit Man. Moscow: Pretext; 2010. (In Russ.).
11. Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy. In: Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 13: January 1859 – February 1860. Moscow: Politizdat; 1959. (In Russ.).
12. Engels F. Outlines of a Critique of Political Economy. In: Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 1: 1842–1844. Moscow: Politizdat; 1955. (In Russ.).
13. Marx K., Engels F. Manifesto of the Communist Party. In: Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 4: May 1846 – March 1848. Moscow: Politizdat; 1955. (In Russ.).
14. Gertsen A. I. Collected Works in 9 Vols. Vol. 5: Bygone Days and Thoughts. Part 4–5. Moscow: Goslitizdat; 1956. (In Russ.).
15. Ossowska M. Ethos rycerskie i jego odmiany. Moscow: Progress; 1987. (In Russ.).
16. Marx K. The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte. In: Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 8: August 1851 – March 1853. Moscow: Politizdat; 1957. (In Russ.).
17. Heine H. Zur Geschichte der Religion und Philosophie in Deutschland. Moscow: Progress; 1994. (In Russ.).
18. Marx K. Poverty of Philosophy. In: Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 4: May 1846 – March 1848. Moscow: Politizdat; 1955. (In Russ.).

Received: 18.04.2025. Accepted: 23.05.2025.

Author information:

Vadim V. Mukhachev, Doctor of Philosophy, Professor, Main researcher,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.
vadism@rambler.ru